

Встреча с читателем, или клонированный Фалес

Л. Я. Жмудь

Отечественная критика до сих пор не баловала меня своим вниманием. Ни на одну из трех моих книг рецензий так и не появилось (на немецкий перевод одной из них вышло шесть рецензий в пяти странах). Я привык объяснять это тем, что в последние 15 лет, когда выходили мои книги, у общества было много других, более насущных тем для обсуждения, чем пифагореизм или античная историография науки. Наверное, это не единственное объяснение. Конечно, я встречал людей, которые читали мои книги, попадались мне и ссылки на них, в том числе и полемические. Однако встретиться с настоящим читателем, который бы прочел все мои книги и составил о них свое мнение, мне до сих пор не приходилось.

Тем неожиданней была для меня встреча с Ю. В. Чайковским. Оказывается, он давно следит за моим творчеством, читает все мои книги и даже покупает некоторые из них. Оказывается далее, что, прикладной математик по образованию, Чайковский занимается не только историей современной биологии – его давно и всерьез увлекают античная философия и наука. Плодом этих увлечений и стал его разбор моих книг, напечатанный в ВИЕТ под рубрикой *Размышления над книгой* [1].

«Размышления над книгой»... Звучит очень интеллигентно, а для автора книги, над которой размышляют, даже лестно. Разве это не то, чего хотел бы каждый из нас? Не ссылок, не бездумных повторений, а именно размышления о том, о чем размышлял и автор. В этом плане я признателен Ю. В. Чайковскому и редакции ВИЕТ, которая, хотя и не уведомила меня заранее о публикации его размышлений, несомненно рассчитывала на мой отклик, на продолжение, так сказать, дискуссии. Я категорически отвергаю соображения о заказном характере публикации, которые появились сразу у нескольких моих коллег. Для заказных публикаций существуют профессионалы. Поручать такое дело Ю. В. Чайковскому было бы контрпродуктивно. Я буду рассматривать его только как моего читателя, пусть и совсем не такого, каким я его себе представлял. Что же, жизнь всегда многообразней и неожиданней, чем мы о ней думаем.

В самом деле: кто из писавших о пифагореизме – а писали о нем много, сотни книг, тысячи статей – мог представить, что исследования этой сложнейшей проблемы раннегреческой философии и науки будут оценивать по наличию в них списка сокращений? Между тем для Чайковского это критерий решающий. Поэтому из трех моих книг ему понравилась только первая, популярная книга о Пифагоре [2], которую я написал, еще будучи аспирантом: «Написана она понятно и содержит почти полный список сокращений...» [1, 176]. Правда, «историки математики выражали неудовольствие ею», но Чайковский одобряет по крайней мере один ее тезис: математика Фалеса независима от восточной математики.¹ На этом размышления об этой книге обрываются, до Пифагора дело так и не дошло.

¹ Кто эти историки математики и чем именно они недовольны, не сказано, а мне было бы интересно и полезно об этом знать. В 1987 г. я выступал в секторе истории математики ИИЕТа с до-

Вторая моя книга о пифагореизме [4], в которой я восстановил и развил все то, что пришлось изъять из популярного издания тиражом в 50 тыс., Чайковскому показалась «менее профессиональной» [1, 177]. Самое же резкое его неприятие вызвало отсутствие списка сокращений. Поскольку эта книга адресована специалистам, я отсылал их к известному всем античникам ежегоднику, который содержит полный список принятых в нашей области сокращенных названий журналов (а их сотни), поместив в книге лишь те, которые от них отличаются. В те годы учебная литература облагалась меньшим налогом, и издательство напечатаало на обороте титула моей книги «Учебное издание». Я это заметил, когда книга уже вышла, но особого внимания не обратил. А вот Чайковский обратил (он вообще любит обращать внимание на *такие* вещи) и вознегодовал: как же можно отсылать читателей учебного издания к французскому ежегоднику, который большинству из них недоступен!? На чем его знакомство с этой книгой и закончилось, до Пифагора и пифагореизма дело снова не дошло. В своей статье Чайковский упоминает и пытается опровергнуть лишь один частный тезис этой почти 400-страничной книги, о пяти планетах у Филолая (см. ниже, с. 12).

Итог размышлений Чайковского о первых двух моих книгах изложен им на одной странице и может быть сведен к простой формуле. Книга хороша, если она понятна (приводится тезис, который читатель разделяет) и в ней есть список сокращений, и плоха, если непонятна (приводится тезис, который читатель не разделяет) и в ней нет списка сокращений. Я предлагаю называть эту формулу «формулой Чайковского». С ее помощью можно быстро прочитать и оценить множество книг в любой области знания.

Чтобы закрыть вопрос с сокращениями, к которому Чайковский обращается вновь и вновь, выскажу свои соображения на этот счет. В любой отрасли, в том числе и в антиковедении, есть специалисты, которым не нужно объяснять, что JHS – это Journal of Hellenic Studies, а REG – Revue des Études Grecques. Для них это как *sin* и *cos* для математика. Во всякой отрасли есть новички, которые еще не знают, но *хотят* узнать, что такое JHS и REG, найти затем этот журнал и прочесть интересующую их статью. Сделать *все* это можно в одном и том же месте: в научной библиотеке. Выяснив у библиографа или в журнальном каталоге, что означает REG, такой читатель заказывает журнал и читает его. Французский ежегодник, где даны сокращения за все года с 1895, обычно стоит в библиотеках на открытом доступе – там, где он есть. Там, где его нет (районная библиотека и т.п.), нет, как правило, и иностранных журналов по античности. Есть, наконец, еще одна категория читателей: они не знают, что такое REG и не *хотят* этого знать. Они не пойдут в библиотеку, чтобы читать Journal of Hellenic Studies (я тоже не читаю иностранных статей по ветеринарии), но могут на досуге прочитать популярную книжку на русском языке, пропуская то, что их не интересует (я, например, читал так познавательную книгу о котях). Таким читателям список сокращений не нужен.

Разумеется, эта классификация, которой я раньше придерживался, не исчерпывает всех возможных типов читателя. Чайковский, в частности, в нее никак не вписывается. Внимательнее всего он читает первую и последнюю страницу книги, где должны быть

кладом, а потом опубликовал статью в «Историко-математических исследованиях» [3]. Вряд ли А. П. Юшкевич стал бы печатать то, чем он был недоволен, хотя исключить этого я не могу.

аннотация и список сокращений. С этих пунктов он и начинает разбор третьей моей книги [5], которая вызвала у него «еще больше возражений, чем вторая» [1, 177]. Поскольку о сокращениях я уже сказал все, что мог, обращаюсь к вопросу об адресате книги. В издательской аннотации сказано, что она «предназначена для историков, философов и науковедов, интересующихся античностью». Не я писал эти слова, но я с ними согласился. Это было крупной ошибкой. Если бы я исправил лишь одно слово – «интересующихся» на «занимающихся», а еще лучше «профессионально занимающихся» античностью – я бы, наверное, смог обезопасить себя от 99% критики моего читателя. Возможно, таким образом я бы даже сумел исключить его из числа потенциальных читателей этой узкоспециальной и малотиражной (1 тыс. экз.) книги. Впрочем, здесь у меня есть сомнения. Создается впечатление, что сам Чайковский как раз и считает себя человеком, профессионально занимающимся античностью. Более того, это мнение разделяют и другие лица, в том числе и ответственные, в частности за издание журналов «Вопросы философии» (где напечатаны две его статьи по античной тематике) и «Вопросы истории естествознания и техники». Я, к сожалению, это мнение разделить никак не могу. Постараюсь объяснить, почему.

В начале своей статьи Чайковский с обезоруживающей откровенностью рассказывает о том, как он стал историком античной науки. Впервые он начал знакомиться с этим предметом в 1989 г., читая курс «Введение в историю науки» для аспирантов ИИЕТА. Ознакомление шло в хронологическом порядке: Чайковский начал с Фалеса и, судя по всему, пока еще находится на стадии милетской школы. В процессе первичного ознакомления выявились значительные трудности: работ на русском языке о Фалесе мало (и потому пришлось обращаться к таким диковинным источникам, как журнал «Вера и разум» за 1887 г.), иностранная литература малодоступна (или недоступна), греческий и латынь учить уже поздно. Главное же, выяснилось, что по поводу Фалеса «историки противоречат друг другу буквально во всем» [1, 176]. Интересно, что именно это обстоятельство больше всего поражает новичка, погружающегося в историю: издали она кажется монолитом, а при ближайшем рассмотрении рассыпается на сотни мелких осколков, которые каждый склеивает по-своему. Замечено также, что особенно тяжело это обстоятельство действует на математиков. Их строгий разум настолько возмущен этим разбродом мнений, что с ним (разумом) иногда происходит некоторое помутнение... Так рождается «новая хронология» академика Фоменко, с которым, кстати, у Чайковского есть много общего. И у того, и у другого герои древней истории начинают двоиться. Правда, Фоменко начал раньше и продвинулся дальше, у него двоится уже целые исторические периоды, а у Чайковского только отдельные личности, например Фалес или Анаксимен. Предложенный Фоменко анализ древней истории путем ее двоения историки античности в свое время проглядели, не считая возможным реагировать на его работы в профессиональной печати. Когда спохватились, было уже поздно: книги Фоменко рядами стояли во всех книжных магазинах, дискуссия о них перекочевала на экраны телевизоров, в стране ширилось движение сторонников «новой хронологии». Признаюсь: я не хочу дожидаться того времени, когда придется дискутировать с идеями о двух Евклидах или Архимедах. Желание не упустить момент, когда абсурд-

ность построений Чайковского можно еще показать «на пальцах», является, пожалуй, главным из мотивов, по которым я все-таки решил ответить на его статью.

Вернемся к разбору моей последней книги. Впрочем, никакого разбора в статье нет. Если бы я не знал, о чем книга написана и на каком материале построена, я бы никогда об этом не догадался, читая Чайковского. Большую часть 19 страниц, оставшихся после «разбора» моих первых двух книг, занимают его собственная программа исследования греческой науки и некоторые ее результаты. К ним я еще вернусь, пока же постараюсь ответить на общие замечания, объединяя их для удобства в блоки.

Чайковский о России и Западе. Мой читатель упрекает меня в том, что я очень скупо упоминаю российских ученых, за исключением узкой группы моих «питерских коллег» [1, 177]. Сюда же относится критика того, что я не ссылаюсь на переводы античных текстов и иностранной научной литературы на русский язык [1, 178] и не объясняю значение иностранных терминов [1, 182]. Чайковский заключает: «перед нами обычная поза воинствующего западника» [1, 178]. Обвинения в недостатке патриотизма, казалось бы исчезнувшие со страниц нашей профессиональной печати, для меня лично новы. Последний раз меня критиковали за то, что я на кого-то не ссылаюсь, на защите моего диплома в 1982 г., но тогда речь шла как раз о западных авторах, Марксе и Энгельсе. Хотя подобные упреки лежат вне научной дискуссии, постараюсь все-таки остаться в ее рамках. Спешу довести до сведения моего читателя, что научная литература по античности на русском языке составляет около 5% от мировой. Приблизительно таково же соотношение между всей русской литературой по античности и той, которая посвящена античной науке. Нет поэтому ничего удивительного в том, что литература на иностранных языках занимает в моей библиографии 13 страниц, а на русском всего 2. Если здесь пропорции и нарушены, то как раз в пользу отечественной литературы. Впрочем, отбор тех, на кого я ссылаюсь, происходит не по языку или месту проживания, а по профессиональным критериям. Чайковский решительно не прав в том, что я замалчиваю московских авторов. В библиографии приведены две работы И. Д. Рожанского (руководителя моей диссертации), две работы Б. А. Старостина, работа Ю. А. Шичалина, в тексте есть ссылки на переводы «Альмагеста» И. Н. Веселовским, «Никомаховой этики» Аристотеля Н. В. Брагинской и «Досократиков» А. В. Лебедевым. Даже учитывая ссылки на мои собственные публикации, общее соотношение москвичей и петербуржцев составляет 6:6. Это так же непохоже на местный патриотизм, как и соотношение 13:2 – на воинствующее западничество. Признаюсь: в споре двух столиц я решительно на стороне Петербурга, но к вопросу о том, кого и сколько цитировать, это отношения не имеет. Между тем непохоже, чтобы мой читатель руководствовался теми же профессиональными критериями. Хотя главным пунктом его интересов в античной науке является Фалес, он ни разу не сослался на труды моего коллеги Д. В. Панченко, который начиная с 1989 г. напечатал о Фалесе множество статей по-русски и по-английски – и в петербургском журнале по античности «Гиперборей», и за рубежом [6; 7; 8; 9]. Рискну предположить, что дело здесь не в пренебрежении столичного автора к провинциалу, а в том, что Панченко анализирует античные свидетельства о Фалесе и старается их свести к какой-то осмысленной системе, а Чайковский их анализировать не умеет, поэтому занимается клонированием Фалеса, для чего труды Панченко не нужны и даже вредны.

Чайковский исходит из того, что автор должен сослаться на *все* известные ему работы – раз не ссылается, значит не знает. Я полагаю, что его посылка и вывод неверны. И русский перевод Гиппократова корпуса и «Анаксагор» И. Д. Рожанского, в незнании которых он меня упрекает, мне хорошо известны. Но если бы я всякий раз стал цитировать всех, кто мне известен, сноски моей книги, и так составляющие одну треть книги, превысили бы объем основного текста, а я впал бы в еще большую немилость у моего читателя, который и так упрекает меня в эрудитстве и демонстрации превосходства над своими читателями.

Я действительно ссылаюсь на русские переводы античных текстов только тогда, когда даю цитату в чьем-то переводе, например, Веселовского или Лебедева. Такова обычная практика. Уведомлять тех, на кого рассчитана моя книга, о том, что вот есть такой философ Платон или Аристотель и есть такие-то их русские переводы, нет никакого смысла, они и так об этом знают, равно как и о русских переводах Нейгебауэра и Ван дер Вардена. Это лишь один из множества примеров того, как мой читатель, практически незнакомый с нормами, принятыми в антиковедении, пытается навести в этой области свой порядок. Его, скажем, не устраивает, что я употребляю слово «гиперкритика» без объяснений, и он спешит дать по этому поводу свои разъяснения с примером. Дорогой читатель, о гиперкритике студенты узнают на первых курсах истфака и филфака, повторять это в моей книге нет никакой нужды. Пример, приводимый Чайковским, как и следовало ожидать, ошибочен: Томас Хит гиперкритиком никогда не был и к античной традиции относился очень бережно.

Чайковский и филология. На эту тему можно написать целую статью, но придется ограничиться самыми сочными примерами. Меня мой читатель все время называет «филологом». Между тем я не филолог, а историк античности по образованию и историк античной науки и философии по профессии. Те, кто учил меня в университете, считали, что античник должен читать на двух древних и четырех новых языках независимо от того, чем именно он занимается – вазописью, диалектами или математикой. Таково *одно* из условий плодотворной научной работы в этой области. Чайковский эти стандарты не признает и вообще «филологов» не любит. Оказывается, моя книга «пестрит словами, а то и целыми выдержками *без перевода*» (после этого курсива нужно, очевидно, присесть от ужаса) – «с греческого, немецкого, английского и итальянского». «Кто, кроме филологов, читает на всех этих языках сразу?», – спрашивает мой читатель [1, 177]. Охотно отвечу: историки античной науки. Не все, разумеется, а те, с чьим мнением принято считаться.² Лучшие же из наших исследователей науки – петербуржцы С. Я. Лурье, А. А. Вайман, А. И. Зайцев или москвичи А. П. Юшкевич, И. Н. Веселовский, В. П. Зубов – к латыни и греческому нередко добавляли один-два восточных языка, а к четырем новым – еще несколько европейских.

Кому-то это покажется заоблачными высотами, недостижимым идеалом и т.д. Пусть так. Но ведь все-таки идеалом, к которому стоит стремиться! Что же мы получим, если откажемся от него? – Третьесортную науку. Сначала из базового образования

² В Америке есть историки античной философии, которые древние языки хотя и знают, но научную литературу читают только английскую – им так проще. Их работы, как правило, малосодержательны.

исследователя античности выпали древние языки, затем новые свелись к плохо усвоенному английскому, и наконец наступает третья стадия, когда всякое смущение по этому поводу исчезает и раздается бодрый крик: «Эй, филологи, а переведите-ка нам чего нужно на русский язык, а мы вам покажем, сколько было Анаксименов, один или два!». Я предлагаю называть эту стадию «стадией Чайковского». На этой стадии уже недосуг вдумываться, о чем рассуждает автор научной книги, зато есть время просмотреть в ней тысячу сносок, найти в них *одну* итальянскую и *одну* немецкую цитату без перевода и пометить: «демонстрация превосходства!». Не вижу смысла объяснять, почему именно их я оставил без перевода, а все другие перевел, – это и так ясно по контексту.

Почему некоторые греческие слова я употребляю без перевода? Ограничусь одним примером. Греческое понятие τέχνη могло обозначать и ремесло, и искусство, и науку, дать ему однозначный русский эквивалент невозможно. Там, где речь идет об этом *понятии*, я пишу его по-гречески, разъяснив предварительно его многозначность. Чайковскому это не нравится, и он делает рационализаторское предложение: транскрибировать греческие слова русскими буквами. Но чем же «тэхне» понятнее τέχνη? Чтобы прочесть это слово по-гречески, нужно знать даже не язык, а лишь алфавит из 24 букв (многие из них совпадают с русскими или похожи на них). Почему Чайковский считает, что записав греческую фразу *γευρε προτος τροπας* русскими буквами (что в русской науке совершенно не принято), он делает ее более понятной читателю? Тот, кто языка не знает, все равно ничего не поймет, а тот, кто знает, будет поставлен в тупик, ведь в такой записи теряются и ударения, и различия между краткими и долгими гласными (ε и η, ο и ω), которые в греческом играют смыслообразующую роль. Все это похоже на попытку малообразованного человека говорить с иностранцем громко, медленно и отчетливо («ма-га-зин зак-рыт!»), рассчитывая, что таким образом смысл незнакомого языка до него все-таки дойдет.

Переводы и транскрипции нескольких греческих слов, на которые решается Чайковский, уморительны [1, 179]. Так, заглавие книги Феофраста Φυσικῶν δόξαι он передает как «Мнения натуралистов». Натуралист – это Паганель, человек с сачком, а у Феофраста речь идет о натурфилософах, или «физиках», если мы хотим сохранить греческую форму. Заглавие труда Псевдо-Плутарха Чайковский передает как *Эпитомес* («Сокращения»). Но ἐπιτομή – это форма генитива единственного числа, а номинатив множественного, соответствующий русскому «Сокращения» – ἐπιτομαί. В другом месте Чайковский дает два греческих слова в русской транскрипции, *αποκλэймэну* и *эпифраттомену* и переводит их как «загораживает» и «закупоривает». Между тем перед нами не глаголы, пусть и записанные в этой диковатой форме (да еще и с чередованием мэн/мен), а причастия в генитиве, которые входят в оборот *genitivus absolutus* – он-то и имеет временное значение. Как бы, интересно, отреагировали математики, предложи я им записывать уравнения по форме «мэ квадрат плюс дэ квадрат равно кэ квадрат»?

Иногда вообще непонятно, с какого языка Чайковский переводит. Труд Стобея он называет *Эклоэ* («Выдержки»). Однако ἐκλογή – это форма единственного, а не множественного числа. Видимо, Чайковский транскрибировал латинизированное название этого сочинения, *Eclogae*, соответствующее греческому ἐκλογαί. О том, что ему, в общем, все равно, какой перед ним язык, говорит следующий пример:

Почему все фалесовы фрагменты (кроме скудных свидетельств Аристотеля) принято считать поздними? Вывод сделан филологами, хотя языкового материала как раз и нет. Дословных цитат всего две (фрагменты А 19 и В 3), язык их действительно поздний, но к астрономии и математике они не относятся [1, 188].

Прочитав этот пассаж, «филолог» не может не рассмеяться (я это проверял на многих коллегам). Чтобы не лишать удовольствия всех остальных, поясню: *фрагментом* называется цитата из письменного сочинения. Поскольку Фалес ничего не писал (это один из немногих фактов, с которым согласны практически все специалисты), никаких фрагментов, тем более дословных, у него нет и быть не может. Есть лишь *свидетельства*, косвенные сообщения, опирающиеся на устную традицию или на сочинения других авторов. Филологов и историков этому учат в университете, Чайковский же, написав уже четыре статьи о Фалесе, об этом не знает. А 19 – это свидетельство, а не фрагмент. Проверив его текст по Дильсу, убеждаемся: язык там не просто «поздний» – это *другой* язык, а именно латинский. Дильс приводит длинную цитату из «Флорид» Апулея (к ней дана краткая греческая параллель из Юлиана), в которой действительно есть прямая речь Фалеса, закавыченная, согласно правилам русского правописания, в переводе Лебедева. Думаю, что именно эти кавычки и навели Чайковского на мысль о «дословной цитате». Почтеннейший читатель! Если в латинском тексте сказано: «Сократ говорил: «Мойте руки перед едой!», – не думайте, что это дословная цитата из не известного науке труда Сократа. Сократ, как и Фалес, ничего не писал, а фантазии у древних было ничуть ни меньше, чем у наших современников. Что же касается В 3, то он и у Дильса, и у Лебедева помещен в разделе «Подложные фрагменты» и отличается от других «фрагментов» этого раздела лишь наличием прямой речи с кавычками.

На взгляд Чайковского, «филологи» (и я в том числе) занимаются в основном тем, что «переставляют слова», причем совершенно напрасно. (Так, наверное, реагировал бы на филологию герой рассказа Шукшина «Срезал»). Вместо этого он предлагает:

Всякий текст надо сперва читать таким, каким он есть, не добавляя и не убавляя слов, не меняя ни грамматических конструкций, ни имен авторов идей, ни прочего. Оказывается, что в надежно читаемом тексте все или почти все конъектуры излишни [1, 189].

Умри, Денис, лучше не скажешь! Действительно, чего там переставлять слова туда-сюда – и так все ясно. Классическую филологию, которая начиная с XV в. (а собственно, и раньше – с III в. до н.э.) без толку добавляет-убавляет слова, следует упразднить за ненадобностью, а филологов пустить на очистку текстов от вредительских конъектур и на перестановку слов в их изначальное положение. Что, однако, значит «текст, какой он есть»? У нас ведь нет автографов Аристотеля, дошедший до нас текст десятки раз переписывался и искажался в течение двух тысяч лет. А если говорить об автографах, то видел ли когда-нибудь Чайковский греческую надпись эпохи Фалеса? Как бы он стал читать текст, в котором нет разделов между словами, нет ударений и придыханий, нет пунктуации (в том числе и любимых им кавычек), все буквы прописные, часть букв пропущена, а письмо идет то слева направо, то справа налево? Знает ли он о том, что в греческих математических рукописях масса сокращений самых разных слов, а списка сокращений нигде нет и спросить за это не с кого? И что означает «надежно читаемый текст»? Ведь если бы в единственной рукописи некоего сочинения было сказано: «Как

говорит Платон в «Метафизике» и Аристотель в «Тимее»,...», то в этом «надежно читаемом тексте» мы все равно должны были бы «поменять имена», если бы, конечно, у нас не нашлось оснований заподозрить автора в полном невежестве.

Читатели уже, наверное, заметили: любой абзац из статьи Чайковского нуждается в обширном построчном комментарии, чтобы разобрать все содержащиеся в нем ошибки и несуразности. Но писать долго в таком режиме трудно. Попробуем для разнообразия рассмотреть отдельный раздел его статьи.

«Доксография как основной источник» [1, 179-181]. Раздел представляет собой очень неточный любительский пересказ того, что Чайковский узнал из моей и некоторых других книг. Уже заглавие вызывает недоумение: основной источник чего? Сведений по античной науке? – Неверно. Доксография посвящена натурфилософским мнениям досократиков, научные данные в ней есть, но по строго ограниченным темам. Математика, например, здесь отсутствует, равно как и учения тех астрономов, которые не были натурфилософами. Уверенности в том, что мой читатель понимает, в чем состоит специфика доксографии, у меня нет. Иначе бы он не писал, что элементы доксографии есть в «Афинской политике» Аристотеля – их там нет. Не мог бы он и считать, что труды Евдема известны по пересказам поздних доксографов: в доксографии ссылки на Евдема отсутствуют. Про ошибки в передаче заглавий трудов Стобея и Псевдо-Плутарха я писал выше, так что этот пассаж я пропускаю.

Неверно далее, что Стобей хуже понимал свои источники, чем Псевдо-Плутарх. Сравнительному анализу их достоинств посвящена обширная литература [напр., 10], которую Чайковский не знает. Зато он ссылается на свою статью, в которой он якобы показал, что Стобей иногда писал несообразности. Все мы иногда пишем несообразности, разница состоит лишь в их количестве и качестве, а также в отношении к ним. Некоторые своих несообразностей стыдятся, а другие их, напротив, любят. Обсуждая *мои* книги, Чайковский ссылается на *свои* статьи 27 раз. В этом я вижу саморекламу в технике пресловутого 25-го кадра: если долго повторять, что-нибудь да останется. Я в 25-й кадр не верю, других статей Чайковского не читал и читать не буду, в первую очередь по этическим соображениям. Дело в том, что я принадлежу к принципиальным противникам клонирования людей, как живых, так и мертвых. И то, и другое кажется мне делом крайне опасным и в своих отдаленных последствиях непредсказуемым. Это ведь только пока все выглядит как невинный фантазм, но если так пойдет и дальше, то клоны могут появиться у кого угодно. Представьте себе спор между противником и сторонником Сталина: первый утверждает, что он злодей, а второй отвечает, что Сталиных было два, один хороший, другой плохой, так вот он – за хорошего. Как их рассудить?

Вернемся к доксографии, а именно, к Герману Дильсу, положившему начало ее изучению. Отношение Чайковского к Дильсу амбивалентно. С одной стороны, он «знаменитый филолог», с другой – допустил много несообразностей: тексты в «Doxographi Graeci» даны без перевода, комментирует по-латыни, единого оглавления нет. Критика, что и говорить, убийственная. В немецких университетах вплоть до 1920-х годов семинары классиков шли на латыни, на ней говорили и писали диссертации. «Греческие доксографы» Дильса – это издание текста, что предполагало латинский язык введения и комментариев, но не предполагало перевода: те, для кого писал Дильс в 1879 г., труд-

ностей в чтении по-латыни и по-гречески не испытывали. Мог ли Дильс предугадать, *кто* и *почему* будет заглядывать в его 854-страничный том через 100-150 лет? Упрек в отсутствии оглавления особенно комичен: во-первых, оно есть, а во-вторых, что за уровень претензий? Двигаясь в этом направлении, можно будет и с Аристотеля спросить за отсутствие указателей, оглавления и прочих вещей, милых сердцу моего читателя.

Аналогичны и упреки Чайковского в адрес «Фрагментов досократиков» Дильса. Труд этот хотя и «классический», но «устраивает он больше филолога, чем философа и натуралиста». Под «философом-натуралистом» следует, вероятно, понимать нашего критика, причем в единственном числе. К собранию Дильса предъявляли самые разные претензии, то *таких* я еще не встречал: материал разделен почти без всякого порядка на свидетельства и фрагменты, причем переведены только фрагменты, что уже в то время было анахронизмом, много повторов, много пропусков. Вывод: «В последние 40 лет от системы фрагментов Дильса на Западе начали отказываться». Вот тебе раз! Да как раз в последние 40 лет стало ясно, что замены его собранию нет и вряд ли будет, оно постоянно переиздается (у меня, например, стоит 18-е издание, вышедшее в 1989 г.), выходят его частичные или полные переводы на русский, французский, итальянский и другие языки, издания фрагментов отдельных досократиков, как правило, следуют Дильсу, в его честь проводят конференции, издают его переписку и т.д. Между тем Дильс предназначал свой сборник для *занятий студентов*, которые в начале XX в. без труда читали свидетельства в оригинале. Перевод же Дильсом фрагментов есть по существу его *интерпретация* этих трудных во всех отношениях текстов, данная нам в помощь. Напомню, что подавляющее большинство изданий античных текстов, вышедших за последние полвека, переводов не содержит.

Найти подлинный фрагмент досократика или надежное свидетельство о нем, не включенные в сборник Дильса, и спустя сто лет – мечта любого исследователя, на этом создается научная репутация. Что же из того, что я привожу в своей книге пропущенное Дильсом свидетельство об Энопиде, которое заметили другие «филологи»? Я-то понимаю, что прочесть всю античную литературу и просеять из нее *надежный* (а не просто – любой) материал о досократиках – это титанический труд и научный подвиг. Не похоже, что это понимает мой читатель. Найдя в моей книге это свидетельство об Энопиде, он тут же вчиняет иск Дильсу: мол, «ряд важных для науки фрагментов в сборник Дильса не попал» и вообще – «небрежение Дильса странно». Странно другое: пренебрежение основными нормами той специальности, в которой человек, утомленный изучением телевизоров и мутаций, ищет себе пристанище. Да и не ищет вовсе, а настойчиво добивается места под солнцем, то пиная, то снисходительно похлопывая тех, кто еще не проникся важностью его идей о клонировании. Ну как может человек, до сих пор путающийся в греческом алфавите, писать: «внешняя критика (пояснение чтения и разночтений) в Дох и ДК (т.е. в двух упомянутых работах Дильса – Л.Ж.), на мой взгляд, очень тщательна, чего не скажешь о критике внутренней (смысловой)»? Какая «внешняя», какая «внутренняя», что за «пояснение чтения», и какой такой может быть у Чайковского «свой взгляд» на эти вещи?! Он что же думает, что филологи переставляют слова, просто чтобы дырку в рукописи заполнить, а не получить удобочитаемый и *осмысленный* текст? Знает ли наш «философ-натуралист», что Дильс выделялся

даже в своем поколении энциклопедическими знаниями в естественных науках, что ему принадлежат образцовые издания и исследования по античной физике, медицине, механике и технике, что предисловие к его изданию Лукреция писал Эйнштейн, или что сын Дильса, которому он передал свое увлечение естествознанием, стал Нобелевским лауреатом по химии? Думаю, что не знает, иначе бы был осторожней.

Не менее забавны попытки Чайковского сравнить «филологов» между собой. Сначала я был плох: того нет, сего нет, москвичами пренебрегает. Для критики Дильса и я, впрочем, сгодился: привел свидетельство, которого у него нет, правда, добавив к нему одно слово в скобках, и вот это как раз и «неудачно». Я-то объясняю, почему добавил «слово в скобках», а Чайковский не говорит, почему «неудачно». Он торопится перейти к русскому переводу «Досократиков», выполненному Лебедевым. Перевод, понятное дело, плох: он «содержит добавления и изъятия, довольно беспорядочные, изобилует ошибками, и в нем нет никакой критики», «нет списка использованных источников и их сокращений» (!), так что при его использовании «требуется постоянная сверка с оригиналом, что ниже сделано всюду, где мне был доступен оригинал». Выводы: 1) «Без сверки сборник никак не может служить для целей исследования». 2) «И хорошо, что им практически не пользуется автор ЗИ». «Автор ЗИ» – это я. Как же так, дорогой читатель, ведь Лебедев – русский ученый, да к тому же москвич! Разве это хорошо, что я им не пользуюсь?! Тем более, что я им очень даже пользуюсь: в книге я только ссылаюсь на него десять раз, а пользуюсь, поверьте, гораздо чаще. Перевод этот Дильса, конечно, не заменит, но своим целям служит замечательно и без списка сокращений, совершенно там ненужного. Никаких изъятий я в нем не заметил, добавления по большей части дельные, а если я с чем-то и не согласен (жена Пифагора, к примеру, среди досократиков ни к чему), то найду возможность обсудить это с А. В. Лебедевым на взаимопонятном языке. Язык же моего читателя я часто просто не понимаю. Вот что означает, например, фраза «в нем нет никакой критики»? О какой критике идет речь: «внешней», «внутренней» или еще какой-то? Фраза о сверке с оригиналом, который не всегда доступен, особенно умиляет. Как Чайковский сверяется с оригиналом, мы уже установили (выше, с. 7), а вот почему он не всегда доступен, остается для меня загадкой: оригинал Лебедева – это Дильс, он есть во всех крупных научных библиотеках. При чем здесь компьютерный Thesaurus Linguae Graecae, упоминаемый Чайковским (наверное, для пущей важности), непонятно: ведь в нем тексты нередко даны по другим изданиям, чем те, которыми пользовались Дильс и/или Лебедев, да и латинских текстов там нет, например Апулея, язык которого Чайковский принял за позднегреческий.

Итак, анализ самых вопиющих (но далеко не всех) ошибок двухстраничного раздела статьи Чайковского превышает объем оригинала. А ведь это был лишь 2-й из 11 разделов, в котором мой читатель меня почти не критиковал и даже хвалил – за то, что я Лебедева игнорирую (хотя раньше за это же ругал). Ясно, что и в таком темпе двигаться дальше невозможно. В оставшейся части моего ответа я сконцентрируюсь на двух вещах: конкретных ошибках, которые находит у меня Чайковский, и предложенном им методе исследования античной науки.

Чайковский о моих ошибках и о своем методе. Начну с приятного: одну ошибку Чайковский у меня все-таки нашел. Я пишу, что греческие математики Менэхм и Дино-

страт известны исследованиями кривых второго порядка, в числе которых я дальше называю гиперболу, параболу и квадратриссу. Так вот, квадратрисса к кривым второго порядка не относится. Я весьма признателен Ю. В. Чайковскому за это полезное замечание и обязательно отмечу его в готовящемся английском издании моей книги. Во всем остальном я вынужден его огорчить. Читатель Чайковский, увы, невнимательный, отсюда проистекает множество недоразумений. Так, он считает, что заявленная в аннотации (снова аннотация!) попытка реконструировать историко-научные труды Евдема у меня не получилась, да и задачи я такой, оказывается, не ставил [1, 187]. Почему же не ставил? Не только ставил, но и, насколько мог, выполнил. Глава 5 посвящена реконструкции «Истории геометрии» Евдема, глава 6 – «Истории арифметики», глава 7 – «Истории астрономии». Вместе они занимают 150 страниц. Ясно, что реконструкция эта частичная и приближительная, каждый раз зависящая от наличия свидетельств. В случае с «Историей геометрии» она удастся лучше, чем с «Историей арифметики», но ведь и аннотация говорит всего лишь о «попытке». Однако мой читатель имеет в виду нечто совсем другое:

Вопрос о читаемости исходных рукописей – первый при всякой реконструкции. Но он даже не упомянут..., так что внешняя критика свелась к замене одних слов на другие, более удобные автору... Да и сами фрагменты рассыпаны по тексту, так что не могу сказать, приведены ли они хоть для одного трактата (не так уж важно, на каком языке) целиком [1, 187].

Оказывается, критик филологии вдруг сам решил нырнуть в филологическое болото и вынырнул оттуда с вопросом о рукописях. Какие, скажите на милость, «исходные рукописи»? Евдема? Так они сгорели давно, или истлели, короче говоря, их нет. Еще раз повторю: фрагмент – это цитата из утраченного сочинения, сохранившаяся у какого-то другого автора. Фрагменты Евдема дошли до нас в сочинениях десятка разных авторов. Считает ли мой читатель, что мне сперва следовало бы провентилировать вопрос о том, читаются ли их рукописи? Читаются и очень даже неплохо читаются. Их читают и издают начиная с XV в. В 1865 г. на основе последних изданий (а не рукописей) Л. Шпенгель издал фрагменты Евдема, а я использую в своей работе последнее издание (1968), подготовленное Ф. Верли. Классическая филология – древняя наука, и мы можем пользоваться плодами трудов прошлых поколений без того, чтобы всякий раз начинать решение проблемы с самого начала. Так, собственно говоря, обстоит дело и математике: решая теорему Ферма, можно не беспокоиться о том, доказана ли теорема Пифагора. Что же касается фрагментов, то они вовсе не рассыпаны, а анализируются мною в соответствующих главах в хронологическом порядке. В большинстве случаев я привожу их греческий текст и/или русский перевод. Не заметить этого, внимательно читая книгу, просто невозможно.

Столь же невнимателен мой читатель и в другом месте, где речь идет об идее прогресса в античности. Встретив первое упоминание о ней во введении, Чайковский дальше искать не стал, заявив, что я ничего не объяснил, доводов и античных имен не привел, а все переложил на читателей [1, 186-187]. Честно говоря, я действительно рассчитывал, что книгу будут читать последовательно, а если и проглядывать, то сверяясь с оглавлением. Там, между прочим, указаны два раздела (гл. 2 § 5: *От «прогресса» к «со-*

вершенству» и гл. 5 § 5: *Телеологический прогрессизм*), в которых есть и доводы, и имена, и все остальное, что я счел нужным сказать по теме прогресса в античности. Надо быть внимательнее, дорогой читатель.

Далее, мне приписывается утверждение, что Гиппократов корпус «представляет достижения школы в целом», а поскольку известно, что в него вошли трактаты *двух* школ, косской и книдской, то это ошибка [1, 178]. Привожу свой текст, речь в котором идет о математическом компендии, созданном в пифагорейской школе: «Подобно трактатам Гиппократовского корпуса, компендий не содержал имен его авторов, представляя достижения школы в целом» [5, 280]. Ясно, что речь идет о достижениях *пифагорейской* школы, а не косской, как думает Чайковский. Вот еще один медицинский пассаж:

Вообще, отношение автора к истории медицины непонятно: в (6) есть параграф «Теория происхождения медицины», но анализирует он лишь трактат «О древней медицине» из Гиппократова корпуса, не содержащий истории, – это памфлет, привлекающий позиции каких-то «древних» как аргумент в споре. Если бы не этот параграф, книгу стоило бы назвать «Зарождение истории точных наук...». Возникает ощущение, что автор начал медицинскую тему да бросил [1, 178].

Здесь все неверно. Трактат «О древней медицине» я привлекаю именно потому, что он содержит *историческую* теорию происхождения медицины, непосредственно относящуюся к теме моей книги – историографии науки. Поэтому и параграф назван соответственно. Медицинскую тему я не бросил: в главе 4 анализируется история медицины перипатетика Менона. В моей книге собран весь известный мне материал по историографии медицины V-IV вв. до н.э. Если моему читателю известны еще какие-то свидетельства, буду признателен за их сообщение. Впрочем, мне кажется, что разницу между историографией и историей медицины он понимает не четко и трактат «О древней медицине» не читал.

Чайковский не только читатель невнимательный, но и критик немилосердный. Угодить ему практически невозможно. Ссылаюсь я, например, на американскую статью, которую он раньше не знал. Следует реакция: «Жмудь упомянул мельком (в сноске) историка Э. Мосхаммера, чью статью «Фалесово затмение» там трудно заметить и еще труднее после этого найти» (журнал-де даже в США мало известный, а заглавие, как обычно, сокращено), – «а она очень интересна, и ее следовало бы внимательно прочесть» [1, 183]. Что значит, простите, «трудно заметить»? Набирать ли мне сноски жирным шрифтом или пересказывать все прочитанные мною статьи? Должен ли я ссылаться только на общедоступную литературу или бесплатно доставлять читателям копии зарубежных статей? (Между прочим, Transactions of American Philological Association – известнейший в США журнал по классической филологии, издаваемый уже более ста лет). Пассаж, в котором Чайковский сбивчиво пересказывает статью Мосхаммера, завершается ожидаемым образом: к выводам, уже давно известным Чайковскому, автор все равно прийти не сумел. А вот финал неожидан: «Все это осталось автору ЗИ неизвестным». Итак, внимание, следите за руками: Чайковский едва находит у меня ссылку на некую статью, с огромным трудом добывает саму статью, тут же советует мне ее внимательно прочесть и, наконец, заключает, что она осталась мне неизвестной. Занавес!

В астрономии Чайковский чувствует себя уверенней, чем в медицине, и потому критикует меня еще беспощадней. В книге о пифагорейцах я писал, что IV в. до н.э. небесные тела располагали следующим образом: Луна, Солнце, Венера, Меркурий, Марс, Юпитер, Сатурн, звездная сфера. По словам Евдема в «Истории астрономии», пифагорейцы были первыми, кто установил порядок небесных тел. Разумеется, речь идет о порядке, принятом во времена Евдема, в том числе и его учителем Аристотелем, а еще раньше Платоном. Кто эти пифагорейцы, о которых говорит Евдем? По общему мнению, он имел в виду Филолая (вторая половина V в.), я даже полагаю, что речь идет о более ранних пифагорейцах. Чайковский отвергает не столько мой тезис, сколько общее мнение. Почему? Потому что: 1) свидетельство, на которое я (и все остальные) ссылаюсь, «очень позднее и сомнительное»; 2) имена у планет появились лишь после смерти Платона (347 г.), а без них планеты знать невозможно; 3) сам порядок планет «взят ниоткуда»: «все они выше Солнца, хотя отличие путей нижних планет ясно при первом же взгляде на небо» [1, 185]. Рассмотрим эти тезисы в обратном порядке.

Замечательно, что Чайковскому достаточно одного взгляда на небо, чтобы все понять. Между тем вавилоняне, наблюдавшие за планетами полторы тысячи лет, придерживались следующего порядка: Юпитер, Венера, Сатурн, Меркурий, Марс [4, 242]. Ну это, положим, вавилоняне, до них руки еще не дошли. Но вот Платон, грек, достойный человек. Читал ли Чайковский его диалог «Тимей» (38 d), где указан именно тот порядок, о котором я говорю (Луна, Солнце, Венера, Меркурий и т.д.), и даны имена внутренних планет (звезда Гермеса и Утренняя звезда)? Нет, не читал. Мою популярную книжку о Пифагоре он вроде бы читал, но цитату из нее безбожно искажает: якобы я утверждаю, что до «Послезакония» (созданного после смерти Платона) планеты, кроме Венеры, имен не имели [1, 185]. Между тем у меня сказано другое: названия планет впервые даны в «Тимее» (38 d) и в «Послезаконии» (986 e – 987 a) [2, 112]. «Что это – невнимательность или злонамеренность?», – спросили бы в прежние времена. Те времена, к счастью, прошли, поэтому спросим другое. Неужели планеты на небе находят по именам? Я привык считать, что по времени их появления на небосводе, яркости, цвету, периодам и т.д. Сначала планеты, а потом имена. Тот же Платон описывает планеты вполне узнаваемо, не приводя никаких имен.

И, наконец, «позднее и сомнительное» свидетельство Стобея (44 A 16 DK) о планетах у Филолая. В устах человека, который спустя три страницы настойчиво призывает перестать делить свидетельства на ранние и поздние, а «брать все нужные фрагменты вместе» (см. ниже, с. 15), такая оценка сведений Стобея выглядит парадоксальной. Между тем Стобей, сколь бы поздним он ни был, свидетельство о пяти планетах у Филолая не выдумал, оно восходит к Феофрасту, соученику Евдема. Об этом, в частности, говорит тот факт, что и Аристотель упоминает в трактате «О пифагорейцах» ту же систему Филолая. В ней к уже известному нам порядку небесных тел (небесная сфера, пять планет, Солнце, Луна) добавлены Антисемля и Срединный огонь, вокруг которого вращалась Земля (fr. 13 Ross = 44 A *16a по Лебедеву). Полагать, что пять планет у Филолая – это совсем не те планеты, которые имели в виду Платон, Аристотель и его ученики, или что они расположены у Филолая совсем в другом порядке, нет ни малейших оснований. Споры на этот счет нет и, насколько я знаю, никогда не было.

Критика Чайковского была бы неполной, не коснись он моей трактовки астрономии Фалеса. Трактовка эта его решительно не устраивает: я якобы поставил целью «убедить читателя, что Евдем не говорил о Фалесе того, что ему приписывают» [1, 181]. Для этого я «переставляю слова» и «переделываю фразы». Обратимся, однако, к трем вариантам свидетельства Евдема о Фалесе, которые передают три разных автора:

1) Фалес первым открыл затмение Солнца и то, что его обращение через точки солнцестояния не всегда бывает одинаковым. 2) Фалес, по словам Евдема в *Истории астрономии*, предсказал затмение Солнца, происшедшее во время битвы между мидийцами и лидийцами. 3) Некоторые считают, что Фалес первым стал заниматься астрономией, первым предсказал затмения Солнца и (определил) солнцестояния, как говорит Евдем в *Истории астрономии* («определил» дополнено мною. – Л.Ж.).

Все три варианта говорят о затмении солнца, но по-разному: в первом Фалес открывает затмение, во втором и третьем – предсказывает. Далее, солнцестояния также упоминаются по-разному: в первом варианте речь идет о неравномерности периодов между двумя солнцестояниями, в третьем о предсказании солнцестояния. Какой из вариантов или их частей верен? Я рассуждал следующим образом: поскольку греки были знакомы с затмением Солнца и до Фалеса, то открыть он его не мог, но мог *предсказать*, о чем пишет и более ранний автор, Геродот (I, 74), на которого опирался Евдем. Поскольку, далее, солнцестояния неизбежно случаются два раза в год, то предсказывать их так же бессмысленно, как приход лета или зимы. Но их можно точнее *определить* (что и сказано в первом тексте), установив при этом неравномерность круговорота Солнца: период от летнего до зимнего солнцестояния на 4 дня короче, чем от зимнего до летнего. Таким образом, в разные варианты сообщения Евдема в процессе его передачи вкрались ошибки, легко, впрочем, устранимые. Очевидно, что филологическая критика подчинена здесь астрономии, а не наоборот. Хотя я вставил лишь одно уточнение в один из трех фрагментов, Чайковского такие «переделки фраз» не устраивают – он ведь уверен, что «всякий текст надо сперва читать таким, каким он есть». Но я и читал этот текст таким, каким он есть. И чем больше читал, тем больше убеждался, что смысла он не дает, тем более что текстов-то три, и говорят они разное. Как же нам выйти из положения?

Здесь самое время приоткрыть окно в творческую лабораторию Чайковского и посмотреть, как он справляется с подобными трудностями. В седьмом разделе статьи он выдвигает свою методику изучения античной науки, состоящую из шести тезисов [1, 187-190]. Я предлагаю называть их «апрельскими тезисами Чайковского», и не только потому, что его статья вышла в апреле, но и потому, что она указывает выход из тяжелой ситуации, в которой оказалась история античной науки. Сравнение старых авторов (Август Бёк, Поль Таннери и др.) с новыми (Жмудь и др.), пишет Чайковский, «убеждает, что одно лишь изучение фрагментов филологами давно уже не дает ничего, кроме хождения по кругу».³ Итак, кризис налицо. Такова преамбула апрельских тезисов, а вот

³ Хотя меня не оставляет подозрение, что о старых мастерах Чайковский узнал в основном из моих книг (я их часто цитирую), ибо ни из чего не следует, что он их прочел (правда, одна книга Таннери есть и по-русски), соглашусь с ним в их высокой оценке. Не стоит только забывать, что Бёк был самым что ни на есть махровым филологом, а Таннери, хотя и служил на таможне, филологию очень любил и сам издавал греческие тексты по математике.

и они сами, точнее, три самых революционных из них, № 1, 4 и 5 (остальные три требования более или менее традиционны, но самим автором не выполняются):

Пора перестать отвергать непонятные фрагменты как «поздние» – никаких «ранних» свидетельств о досократиках у нас нет. Надо брать все нужные фрагменты вместе (чего, насколько я знаю, никто сейчас не делает), чтобы иметь единую картину. Всякий текст надо сперва читать таким, каким он есть (и т.д., см. выше, с. 7. – Л.Ж.).

Так выглядит спасательный круг, который Чайковский бросает нашей тонущей науке в полной уверенности, что она за него схватится. Ну что ж, посмотрим, что в этом случае получится, точнее – что получилось, ибо Чайковский уже готов продемонстрировать нам первые результаты. Как и следовало ожидать, получилось нечто несусветное. Ведь тому же Фалесу античная традиция приписывает массу открытий, сделанных и через 200, и через 300 лет после него. А как быть с его явно подложными сочинениями? Или с тем, что поздние сведения противоречат ранним и наоборот? Про «текст, какой он есть» я уже говорил, повторяться не буду. Оказывается, Чайковский нашел истине гениальный способ разрешить все эти противоречия. Если все, что в течение 1200 лет древние греки писали о Фалесе, не удастся приладить к одному человеку, значит, Фалесов было двое [1, 193]. Один старший, другой младший. И как это их раньше не замечали? Понятное дело, что и

Анаксименов было двое, что второй родился после смерти первого, был на 15-20 лет младше Парменида и примерно на столько же старше Анаксагора, слушал Парменида и передал Анаксагору мудрость трех школ – ионийской, пифагорейской и элейской. По ряду вопросов Анаксимены учили различно, однако нельзя точно сказать, какой учил как [1, 190].

Вот как надо рубить Гордиев узел: р-раз – и два Фалеса, р-раз – и два Анаксимена. Неясно только, почему пропущен стоящий между ними Анаксимандр. На фоне своих размножившихся учителей и учеников он выглядит как-то особенно одиноко...

Должна ли история науки отказаться от средневекового правила о неумножении сущностей и перенять у Чайковского новые технологии XXI века? Выглядит его методика соблазнительно и, в отличие от старых филологических методов, не всем, увы, доступных, может быть с успехом поставлена на поток и внедрена в массы. Вот, скажем, фигура Пифагора – ведь в ней масса противоречий, да и хронология его «гуляет» от VII до V вв. до н.э. Отчего бы не предположить, что Пифагор Старший был политиком и религиозным деятелем, а Пифагор Младший – философом и ученым? Сразу проявятся античные свидетельства о том, что Пифагора одновременно видели в двух разных городах. Это никакая не билокация, а просто два разных человека. А может быть, Чайковский уже об этом пишет? Если так, не буду мешать.

Вопрос о том, остаться ли нам при старых методах или перенять методику клонирования, предлагаемую Чайковским, каждый должен решить сам. Я выскажу свое мнение. Особой опасности для классической филологии и истории античности Чайковский не представляет, они благополучно пережили вторжение куда более мощных и привлекательных методов (марксизма, фрейдизма, структурализма, интертекстуальности и т.п.). Для человека, мало-мальски знающего предмет, и критика, и методика Чайковского саморазоблачительны и ни в каких дополнительных разъяснениях не нуждаются. Каза-

лось бы, против них говорит и здравый смысл, на монопольное владение которым филология никогда не претендовала. Отчего же тогда *такой* специалист публикует *такие* статьи в *таких* журналах? Я имею в виду не критику в мой адрес, пусть и несправедливую, а полную некомпетентность Чайковского в вопросах, за которые он берется, беспомощность его «методы» и явную абсурдность его центральных выводов. Ведь я затронул далеко не все положения его статьи. И появление «естественных наук» и «политологии» во времена Гомера, и то, как Чайковский с помощью «большого словаря» толкует самого Гомера, и пассаж об акустическом эксперименте Гиппаса, давно вошедшем в учебники физики, но дерзко отвергаемом Чайковским [1, 183, 195-196], – все это и многое другое осветить не удалось. И все же ясно, что найди я в его статье не 150, а 1500 погрешностей против науки и здравого смысла, общая ее оценка не изменится: ниже единицы есть только ноль.

Чайковский не впервые демонстрирует агрессивную некомпетентность в оценке чужих работ по истории науки. В 1992 он обозрел четыре новые книги по истории биологии [11]. Досталось при этом всем: российским и американским историкам, апологетам дарвинизма, редакторам, переводчикам, перестройщикам, защитникам природы и т.д. Читая этот обзор и сдержанный, но вполне определенный ответ на него [12], ловишь себя на мысли: *déjà vu*. Темы и времена, казалось бы, разные, а приемы те же, включая передергивание цитат и мелочные придирки к указателям. И претензии те же: констатируя «тяжелый кризис российской истории науки», Чайковский стилизует себя под ее спасителя и предлагает создать новую систему обучения истории науки [11, 146]. Соглашусь: кризис действительно есть, в том числе и в подготовке историков науки, и Чайковский самый наглядный тому пример. Можно даже сказать, что он (и мы вместе с ним) есть жертва того маргинального положения, в котором оказалась наша история науки и которое позволяет кому угодно писать о чем угодно и как угодно.

P.S. Библиография к статье Чайковского содержит минимум семь ошибок. В заглавии статьи С. Н. Муравьева пропущено слово «Гераклита», Мосхаммер потерял одну *m*, в слове *Bruchstücke* нет *ü*, а в слове *médecine* – *é*. Особенно не повезло № 22, который Чайковский списал из моей последней книги: *Britten* стал *Britton*'ом, *den* превратилось в *der*, а издатель тома куда-то исчез. Куда исчез А. А. Гурштейн, редактировавший книгу Б. Ван дер Вардена о греческой астрономии (№ 2), я уже не спрашиваю.

Литература

1. Чайковский Ю. В. Книги Л. Я. Жмудя и реконструкция раннеантичной науки // ВИЕТ. 2004. № 2. С. 176-198.
2. Жмудь Л. Я. Пифагор и его школа. Л., 1990.
3. Жмудь Л. Я. Греческая математика и Восток // Историко-математические исследования. Вып. 29. М., 1985. С. 9-27.
4. Жмудь Л. Я. Наука, философия и религия в раннем пифагореизме. СПб., 1994.
5. Жмудь Л. Я. Зарождение истории науки в античности. СПб., 2002.
6. Панченко Д. В. Фалес: рождение философии и науки // Некоторые проблемы античной науки / Б. И. Козлов, А. И. Зайцев. Л., 1989. С. 16-35.
7. Panchenko D. Ὀμοιος and ὁμοιότης in Thales and Anaximander // Hyperboreus. 1994. Vol. 1.1. P. 28-55.
8. Panchenko D. Thales's prediction of a solar eclipse // Journal for the History of Astronomy. 1994. Vol. 25. P. 275-288.

9. Панченко Д. В. Фалес, солнечные затмения и возникновение теоретической науки в Ионии в начале VI в. до н.э. // *Hyperboreus*. 1996. Vol. 2.1. P. 47-124.
10. Mansfeld J., Runia D. *Aëtiana: The method and intellectual context of a doxographer*. Vol. 1. Dordrecht, 1997.
11. Чайковский Ю. В. О классиках и комментаторах // *ВИЕТ*. 1992. № 2. С. 137-146.
12. Колчинский Э. И., Лебедев Д. В., Полянский Ю. И. История эволюционной биологии в королевстве кривых зеркал // *ВИЕТ*. 1993. № 2. С. 160-168.